

Михаилу Федоровичу Астангову исполнилось бы 100 лет. О встречах с ним рассказывает артист театра имени Евг. Вахтангова Анатолий Кацынский.

Вспоминаю его еще с тех времен, когда я был студентом училища имени Щукина и одновременно занимался в студии Завадского. Помню его блистательную игру в спектакле "Нашествие". Но это была лишь встреча, а не знакомство. Оно произошло позже, в театре имени Вахтангова. Актеры прошлого отмечали, что главным в игре трагического актера Павла Мочалова были глаза и голос. Именно глаза и голос приходят на память, когда вспоминаешь игру Михаила Федоровича. Глаза жгучие, проникающие в тебя, и голос с его знаменитой хрипотцой, способный подниматься до высочайших нот и опускаться до низких трагических аккордов, подобно тем, что звучали в спектакле "Перед заходом солнца", в роли Маттиаса Клаузена.

Многие боялись его мрачности, нахмуренности. Но это было внешней защитой легко ранимого человека. Ему пришлось странствовать по разным театрам — московским и провинциальным. В театр Вахтангова он пришел человеком многое испытавшим.

Случилось так, что Астангов заболел. Раньше в театре Вахтангова никогда не отменяли спектакли — считалось, что сцена — как живое сердце, оно всегда должно биться. И вдруг меня срочно вызывают на репетицию "Перед заходом солнца": "Послезавтра вечером вы должны играть". Ночью я учил текст. Утром снова была репетиция. На спектакле от волнения я высказался так, что зал ахнул: "И начнет выбрасывать отцу золотую романтику" и это профессор университета. Потом мы играли вместе с Михаилом Федоровичем "Перед заходом солнца" в очередь. Он — два спектакля, я — третий. Ас-

Вот как надо играть

тангов выздоровел, и мы встретились на каком-то собрании. Я сидел в сторонке, он ко мне подсел и, глядя внимательно, произносяюще, сказал: "Анатолий Александрович, вы совершили подвиг, я слышал?" Я спросил: "Какой подвиг?" Он расширил и без того огромные глаза: "Как какой подвиг? Вы же сыграли Маттиаса!" А я в ответ: "Ну и что? Чего там играть-то? Все тебя отыгрывают, великолепные актеры вокруг. Трудно первый акт, много текста. А остальное ничего особенного". "Вы так думаете? — в ужасе произнес Астангов и отсел от меня. Это был знаменитый разговор. Я, тогда молодой актер, не мог понять всей глубины, всей страстности, всей стихии этого непостижимого героя.

Однажды Астангов обратился ко мне: "Анатолий Александрович, было

бы любезно с вашей стороны пойти мне навстречу. Завтра из Новосибирска приезжает мой старый друг. Хирург, замечательный человек. Он хочет увидеть меня в роли Маттиаса, а он только один день в Москве, а я завтра не играю. Не сможете ли вы мне уступить очередь, а в следующий раз я вам уступлю". — "Какие могут быть разговоры". — "Значит, я могу пойти в репертуарную контору и так заявить?" — "Конечно". Вот какое отношение великого актера по отношению к мальчишке.

На гастролях в Одессе мы играли на двух площадках, и у Астангова не было замены в спектакле "Перед заходом солнца". И вдруг пришло известие о смерти его жены. Но Астангов играл. В артистической он тряс кулаками и кричал: "За что, за что?", потом выходил на сцену и играл. Вот актерская судьба. Вот актерская профессия — жертвенная, прекрасная, великая. И эту профессию Астангов прославлял своей жизнью, творчеством.

И еще была встреча, о которой нельзя забыть. Я пришел репетировать к Михаилу Федоровичу домой. В кабинете я долго разглядывал портрет Леонидова, висевший на стене. Астангов заметил: "Вы смотрите на Леонидова? Это мой учитель. Знаете, что он мне сказал однажды? Роль — это как луковица. Сначала надо снять всю шелуху, потом дольки снимать, снимать и только внутри будет маленькая сердцевина луковицы. Вот как надо играть".

Рис. А.КАЦЫНСКОГО